

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

✓ *О.И. Колеватова-Синайская – женщина с яркой, необычной судьбой, мужественная, самоотверженная, удивительно милосердная.*

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начало Первой мировой войны многими россиянами было воспринято как начало второй Отечественной войны, пробудившее всплеск патриотических чувств. Тысячи женщин устремились на краткосрочные курсы сестёр милосердия, стремясь быть полезными своему Отечеству. Очень скоро, надев униформу с красным крестом на белом поле, они начали нести дежурство в госпиталях, колесили по стране в санитарных поездах, вызывавших в тыловые лазареты раненых, оказывали первую медицинскую помощь на поле боя. Около 20 тысяч женщин участвовало в Первой мировой войне. Наравне с мужчинами они несли все тяготы и лишения военной жизни, подвергались смертельной опасности. Каждая десятая из них погибла. В числе этих самоотверженных женщин была и моя бабушка – Ольга Ивановна Колеватова-Синайская (1879 – 1946 гг.).

Здравствуйте! Направляю вам материалы в рубрику «К 100-летию Первой мировой войны» об участнице этой войны из нашего славянского села Карпова – Ольге Ивановне Колеватовой-Синайской. Надеюсь, что они вам пригодятся.
И ещё. У меня есть предложение. В честь такого уникального юбилея – 100-летия с начала Первой мировой войны – неплохо бы отметить памятную доской эту скромную, с обычной судьбой жительницу села Карпова – Ольгу Ивановну Колеватову-Синайскую. Направляю эту статью в вашу газету, чтобы напомнить землякам о постоянной поддержке, которую женщины постоянно поддерживают. С рождением сына Аугу Ростиславовны Синайской, автор статьи, и моя бабушка – родные брат и сестра, уроженцы села Карпова.
С уважением и добрыми пожеланиями О. Денгыгина, г. Сыктывкар

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Колеватова
Ольга Ивановна

● Снимок из музея Карповской средней школы

● Фото из открытых интернет-источников

В ЖИЗНИ мне не довелось видеться с ней. Хотя в раннем детстве состоялось наше заочное знакомство. Тогда тоже шла война, Великая Отечественная. Едва научившись писать, первые свои письма на обрывках бумаги я отправляла на фронт отцу и ей, чьи фотографии и письма-открытки хранились в нашем семейном альбоме. Из рассказов матери, три года прожившей под одной крышей со свекровью, в моём воображении возник образ женщины яркой, необычной судьбы. Даже теперь, став старше своей бабушки, не перестаю удивляться её силе духа и мужеству.

В 1913 году моя бабушка, уже будучи матерью семейства, завершила медицинское образование. Обучалась сначала при Казанском университете, затем в Москве. Стала дантистом и фельдшером. Так что решение идти на войну для неё, последовательницы учения Льва Толстого, было естественным исполнением нравственного и профессионального долга.

Лишь письма помогли сокращать расстояния, давали возможность быть в курсе жизни сыновей и приёмной дочери-сироты, взятой на воспитание по обыкновению тех лет вместо своей умершей девочки.

«Ваше письмо получила в Пензе», «Я в Самаре, служу в лазарете», «Получили ли мою телеграмму с адресом? Завтра утром уезжаю в командировку в г. Данилов, не знаю, сколько там пробуду», «Уезжала на две недели в г. Данилов, теперь пока здесь, пишите скорей». Эти торжественные строки с указанием временного места пребывания написаны в первый год войны, во время службы сначала в тыловых лазаретах, затем в военно-санитарном поезде. Адресованы они на Кавказ, в город Баку, где жили сыновья вместе с отцом, преподавателем гимназии.

Затем служба проходила в прифронтовых лазаретах Западного фронта. Жизнь в палатках и землянках, с обстрелами и бомбёжками, с газовыми атаками и эпидемиями тифа. Людские потери были огромны. Позже бабушка вспоминала, что неоднократно от штата сотрудников лазарета оставалось в живых всего несколько человек, которым приходилось работать с неимоверным напряжением сил. И удивлялась своей везучести.

Удивляет способность бабуш-

ки и на расстоянии оставаться близкой своим подрастающим детям. На войне, посреди крови, смертей и страданий, испытывая нечеловеческую усталость, хрупкая женщина находила силы вникать в повседневный мир своих детей, заботиться об их развитии. Она обещает сохранить для них почтовые марки, накопить «грошиков», чтобы к лету купить им велосипед, младшему советует не оставлять занятия музыкой, старшему напоминает о журнале «Вокруг света» и даёт совет: «Напиши в Петроград Оле Баранцевой, какую тебе купить книжку».

Наконец возвращение в родное село Карпово Варнавинского уезда Костромской губернии (ныне Нижегородской области). Встреча с близкими и работа сельским фельдшером. Бесценный опыт военных лет сделал её универсальным врачом, к тому же, единственным на всю округу. В любое время суток к ней обращались с хворями и травмами – и она спешила на помощь.

Ольга Ивановна пользовалась уважением у односельчан, которые, по рассказам моей мамы, её невестки, то и дело оставляли на крыльце её дома знаки своей благодарности – лукошко земляники или корзинку грибов. Потом приходилось гадать, кому возвращать корзинки.

В 1925 году с согласия сельского схода бабушка разрешила построить небольшой домик на живописном берегу реки Усты взамен отданного для общественных нужд большого родительского дома.

В 1926 году по щедрости души и нерастратности материнских чувств бабушка взяла на воспитание новорождённую девочку, названную Татьяной, которой было суждено стать её опорой и надеждой последних лет жизни.

Трагические обстоятельства по разным причинам развели глубоко уважавших друг друга людей: у деда появилась другая семья. Сыновья, окончив лесной техникум, служили в лесничествах района, женились, вышла замуж и стала москвичкой приёмная дочь Екатерина. С появлением крохотного существа жизнь наполнилась новым смыслом,

топтая сапогами оставшиеся вещи – фотографии, портреты родителей, книги, они увезли бабушку в Горький. Так почти в 60 лет Ольга Ивановна стала узницей ГУЛАГа. Местом её пребывания стал зловещий Карлаг, в северном Казахстане, под Карагандой. Оттуда немногие возвращались обратно – так суровы здесь были климат и условия содержания в переполненных, летом в знойных, зимой в промерзавших насквозь бараках.

Привыкшая бороться за человеческую жизнь до последнего, она решила использовать призрачный шанс и для своего спасения. В пути следования

ПОЧТИ В 60 ЛЕТ ОЛЬГА ИВАНОВНА СТАЛА УЗНИЦЕЙ ГУЛАГА. МЕСТОМ ЕЁ ПРЕБЫВАНИЯ СТАЛ ЗЛОВЕЩИЙ КАРЛАГ. ОТТУДА НЕМНОГИЕ ВОЗВРАЩАЛИСЬ ОБРАТНО.

новыми заботами. Но безоблачной оставалась недолго.

В 1932 году от одного из друзей стало известно, что сыновья попали в список лиц, подлежащих высылке на Север. Обоим пришлось спешно покинуть родные места, чтобы затеряться в глухих краях. Их прибежищем стал Коми край.

Громкий стук в дверь в одну из ночей 1937 года разбудил бабушку и её 11-летнюю дочь. Но это была не просьба о скорой медицинской помощи. На пороге застыли сотрудники НКВД, пришедшие с обыском к «врагу народа». Перевернув всё вверх дном, забрав документы, бумаги и всё, что им понравилось, рас-

к месту заключения незаметно выбросила в щель теплушки письмо с просьбой к нашедшему опустить его в почтовый ящик. Почти невозможно поверить в то, что письмо, выброшенное на ветер в безлюдной казахской степи, дойдёт до адресата. Но оно дошло. В Сыктывкар, моему отцу, сыну Ольги Ивановны. Светлая память тому доброму человеку, казаху-пастуху или обходчику с полустанка, которому бабушка обязана своим спасением. В письме из Карлага бабушка сообщала, что определили обвинение в якобы антисоветском высказывании на сельском сходе, на котором она быть не могла по причине находя-

дения в другом селе по вызову больного. Об этом есть запись в книге фельдшерского пункта. В письме же была и подсказка пути её спасения – прошение на имя М.И. Калинина. Отец написал его, а приёмная дочь бабушки, жившая в Москве, принесла письмо на Мухомовую, в приёмную «всесоюзного старосты». И свершилось невероятное: дело было пересмотрено, арест признан ошибочным – его списали на сверхабзабоченную «ежовщину».

Вернувшись домой, дав подписку о неразглашении сведений по пребыванию в лагере, бабушка была немногословна. Близкий говорила, что выжить ей помогли профессия медика и чувство нужности людям. В лагере она продолжала лечить, за что ей иногда позволяли покинуть душный барак и постоять рядом с единственным в зоне деревцем. В эти мгновения она мысленно уносилась в родное село, к вековому соснам, шумящим над крышей её осиротевшего дома.

Вырвавшись из Карлага и обретя свободу, Ольга Ивановна Колеватова вернулась на родину. А получив паспорт, поехала на север – в село Пезмег Корткеросского района, где в семье старшего сына в это время жила её приёмная дочь Татьяна. Радостной и горькой была та встреча. Посёлок Пезмег-База, обезображенный высокими заборами и утыканный смотровыми вышками, слишком ярко напоминал пережитое в неволе. Сильно состарившаяся, измождённая мать и дочь-шестиклассница отправились обратно в своё милое Карпово, где когда-то были счастливы.

Здесь начинался последний период жизни, тоже связанный с войной. Теперь настал её черёд тревожиться о судьбе ушедших на фронт сыновей. Осенью 1942 года пришло известие о гибели старшего сына Бориса. Летом 1945 года состоялась встреча с младшим Ростиславом, закончившим войну в Румынии. Вопреки болезням и возрасту, она продолжала трудиться. Платой за труд, как и за труд колхозников, в то время были палочки в книге учёта. Зимой 1946 года беспокоилась, чтобы не пропали её палочки и дочь Татьяна смогла окончить педучилище. Уходя из жизни, думать о тех, кто остаётся, – удел сильных духом, мужественных людей.

Была ли награждена сестра милосердия, три года самоотверженно спасающая человеческие жизни на полях сражений Первой мировой войны? Вероятно, да, хотя свидетельств этому не сохранилось.

Летом 1953 года вместе с семьёй впервые побывала на могиле бабушки. С тех пор стараюсь бывать здесь как можно чаще. В селе, где прошла её жизнь, всегда получаю своеобразные подарки из прошлого: то старые фотографии с её дарственными надписями конца XIX века, то открытку, датированную началом века XX. А совсем недавно получила от человека преклонных лет слова признательности за то, что он «всю войну протопал и всё ещё топчет землю своими ногами». Так он в моём лице благодарил бабушку: она ему, ещё до Великой Отечественной войны погавшему под колёса трактора, спасла ноги.

Нет на свете почти никого из тех, о ком идёт речь в этом повествовании. Но живут на земле Коми, которую считают своей родиной, их внуки, правнуки, праправнуки. Хочется, чтобы достойно прожитая жизнь предков стала для них нравственным ориентиром. Чтобы в ней черпали они силы для преодоления жизненных трудностей.

**А. СИНАЙСКАЯ,
г. Сыктывкар**